
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ОРФОЭПИИ

И.М. Логинова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается современное состояние орфоэпических норм русского языка в области звуков, ударения и интонации применительно к целям обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: орфоэпия, лингводидактика, звуковой строй, произносительные нормы, фонетическая система, фонология.

Русский звуковой строй претерпел очень существенные диахронические изменения как в фонологической системе, так и в орфоэпии. История русского литературного языка складывалась таким образом, что во все периоды его развития он по разным причинам характеризовался *неединственностью произносительных норм*, которые были обусловлены временными, территориальными или стилистическими факторами и которые начали выравниваться только к середине XX в. [8].

В начале XX в. русская орфоэпия была представлена двумя равноправными нормами (старомосковской и старопетербургской), которые различались более чем 40 чертами в вокализме и консонантизме (Д.Н. Ушаков). По причинам прежде всего социолингвистического характера в XX в. происходит сближение этих двух норм, причем одни произносительные особенности выравнивались по петербургскому (ленинградскому) варианту, другие — по московскому [3]. Процесс этот шел и еще продолжает идти не однонаправленно и неравномерно по отношению к конкретному звуковому явлению или даже конкретному слову, к тому же испытывая сильное влияние лексических заимствований (см. разные выпуски сборников «Развитие фонетики современного русского языка» АН СССР).

Изменения в орфоэпии затрагивают и фонологическую систему, хотя отношения между фонологической системой и артикуляционной базой не однозначны. Фонологические и орфоэпические инновации проходили в XX в. на всех уровнях звукового яруса языка: и сегментных, и супraseгментных — по отношению к различным языковым и речевым единицам и звуковым средствам языка: фонемам, звуковым цепям, слогам, словам, синтагмам.

Так, в системе согласных фонем признаны самостоятельными фонемами заднеязычные мягкие <к', г', х'> (хотя и с ограниченной дистрибуцией) и долгий шипящий [ш:'], тогда как долгий [ж:'] фактически потерял свою самостоятельность и остался только как звукотип в «старшей» произносительной московской норме. Таким образом, установился признанный большинством фонологов состав согласных фонем современного русского литературного языка из 36 единиц. Они образуют систему на основе нескольких корреляций: локальной (место образования), модальной (способ образования), по акустическому признаку голоса и шума (со-

норные-шумные: глухие и звонкие), по так называемой «дополнительной» артикуляции палатализации/веляризации (мягкие-твердые).

К настоящему времени можно считать сформированной категорию *глухости-звонкости* с корреляцией 11 пар глухих и звонких шумных фонем (<п-б, п'-б', ф-в, ф'-в', т-д, т'-д', с-з, с'-з', ш-ж, к-г, к'-г')> и 5 глухими согласными вне этой корреляции (<ц, ч, ш: ', х, х'>), противопоставленными сонорным (<м, м', н, н', р, р', л, л', j)>). В этой подсистеме четко различаются сильные и слабые позиции с нейтрализацией акустического противопоставления в слабых позициях для всех фонем, включая как коррелятивные, где нейтрализация ведет к неразличению глухих и звонких фонем (люд [л'ут] — лют [л'ут], обжарить [-бж-] — обшарить [-пш-]), так и некоррелятивные глухие шумные, озвончающиеся перед звонкими (плацдарм [-д|зд-], начдив [д'|ж'д']), и сонорные, которые могут фонетически оглушаться перед глухими и в абсолютном конце (*торт, вопль*). Это необходимо иметь в виду, обучая практической фонетике русского языка на основе артикуляционной базы.

В отличие от акустического признака, реализация которого зависит от позиции, признак твердости-мягкости присущ согласному таким образом, что некоррелятивные фонемы <ц, ш, ж> во всех позициях остаются твердыми, а <ч, ш: '> — мягкими. Остальные 30 согласных образуют корреляцию из 15 пар, вне которой остается палатальная фонема <j>. Категория твердости-мягкости продолжает развиваться за счет усиления смысловозначительной силы позиции твердых-мягких согласных перед <э> (в оппозициях типа: *сэр — сер, мэр — мер, ГЭК — Гек* и т.п.) и перед мягкими согласными, где постепенно уходит из языка ассимиляция по твердости-мягкости (*дверь, ответ, шапки; банки — баньки, полки — польки* и т.п.). Таким образом, в современном русском языке очевидна тенденция к устранению слабых позиций по твердости-мягкости, в которых согласные могли проявлять свою функциональную парность: ассимиляция по твердости-мягкости во многих случаях становится факультативной. Что касается фонетической парности, основанной якобы на единстве основной артикуляции твердых и мягких согласных при различии дополнительной, то эти традиционные представления опровергнуты для русского языка экспериментально-фонетическими исследованиями, выполненными акустическими (Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Л.Р. Зиндер и др.) и особенно артикуляционными методами (Л.Г. Скалзуб и ее ученики). С помощью кинорентгена и динамической палатографии было доказано отсутствие артикуляционной парности в русских твердых и мягких согласных при их изначальном различии по месту и способу образования в ходе динамического речеобразовательного процесса [9]. Поэтому в результате обоюдного влияния фонологической системы и артикуляционной базы на протяжении длительного развития категории твердости-мягкости их артикуляция превратилась из дополнительной (ср. полумягкость перед передними гласными во многих языках) в основную, реализующуюся в комплексе язычных и губных артикуляций при поддержке аккомодации окружающих гласных, что и формирует два основных артикуляционных уклада в русской артикуляционной базе (твердо-задний и мягко-передний), воспринимаемых как смена акустически низких и высоких звуковых последовательностей. При отсутствии фонологической и артикуляционной парности корреля-

ция твердых и мягких согласных поддерживается лишь графикой (одинаковыми буквами) и некоторым акустическим сходством. Понимание природы твердости-мягкости на современном этапе развития русского языка имеет решающее значение для методики обучения произношению РКИ.

Произношение отдельных грамматических форм и сочетаний согласных, которые различались в «старшей норме» москвичей и ленинградцев, теперь приближаются к написанию и перестают различаться (учился [с'с], учились [с'], коричневый [чн'], яблочный [чн], дождь [шт'], дожди [жд'], ежжу [ж:], счет [ш:'], мужчина [ш:] и пр.); остаются в «старшей норме» лишь отдельные слова (конечно, скучно [шн], что, чтобы, потому что [шт] и пр.). Русский язык сохраняет свой консонантический характер, выражающийся в наличии многочисленных и почти неупрощающихся сочетаниях согласных в звуковых цепях (*встреча, царств, волжский, впасть в отчаяние* и под.).

Наиболее регулярные изменения произошли в системе вокализма, где подсистема безударных гласных утвердилась по московскому варианту (с аканьем и иканьем), так что на месте 5(6) гласных фонем (сохраняющееся еще различие в интерпретации состава гласных фонем сторонниками Московской и Щербовской фонологических школ) под ударением реализуются 7 артикуляционных звукотипов (и-ы, е-э, у, о, а), а в безударных слогах — 4 (и, ы/ь, у, э) — явление редукции [6]. Большое значение для создания общего фонетического облика слова играет явление аккомодации гласных в соседстве с твердыми и мягкими согласными (Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, И.М. Логинова и др.), когда эти «вариации» гласных формируют основные артикуляционные уклады в строении произносительных единиц (слога и слова) и являются полезными сигналами в опознании твердости-мягкости (Л.В. Бондарко, И.М. Логинова, Л.Г. Скалозуб и др.) и в постановке корреляции твердых-мягких согласных инофонам. Роль вокализма в структуре русского слова отмечал еще Н.С. Трубецкой, считавший ударные-безударные гласные и твердые-мягкие согласные (а вместе с ними и аккомодацию гласных) главными противопоставлениями в русской фонетике. Совершенно очевидно, что нельзя игнорировать русский вокализм в обучении инофонам русскому произношению, что, к сожалению, до сих пор имеет место как в учебных пособиях, так и в методических рекомендациях.

В звуковых цепях существенную роль играют не только консонантные, но и вокалические сочетания, а также звуковые последовательности с /j — i/, определяющие одну из специфических черт русской артикуляционной базы. Условно их можно обозначить как /та-тя-тья-тия(-ти|я-тиа(-ти|а-тай-тай(-та|и)/, например: гроза| — грозя| — друзья| — зия|ть — анестези|я — азиа|т — вези| отца| — за|йка (хозя|йка) — моза|йка (хозя|ин) — заи|ка, взаи|мный [6]. Особенно большое значение имеет усвоение этих звукосочетаний при обучении нерусских учащихся заударным флексиям в словоформах существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов типа: *армии — армий, музеями, археологией, новый — новые, новая, новое, читаете — читайте* и под.

Наименьшая произносительная единица — слог — выступает в русском языке как база для реализации дифференциальных признаков фонем [1; 2] и основных артикуляционных укладов [9; 6] при неоднозначности межслоговых границ и обя-

зательной ресиллабации в процессе слитного произношения синтагмы (ушел из института [у-шо-лы-зын-сти-ту-га]) в сопровождении специфического фонетического оформления сандхиальных позиций: озвончения некоррелятивных глухих (оте[дз]дал, до[д'ж']больна, ве[ж:]дорогая, мо[γ]зеленый), образования неполнотвердых/неполномягких геминат (чу[д'д']ыша, кабине[дд']иректора, вра[д'ж'жд']ёт, коне[дзз']имы), многочленных консонансов (*средств* производства, *страсть к чтению*), вокалических сочетаний (гулял[иуо]зера, грудн[ааао]рта, поддержк[ъиа]пора), трудных переключений артикуляций (*наш сад, вот сцена, акт первый*). Все это составляет элементы слитного и беглого чтения и говорения в процессе обучения РКИ.

Сильноцентрированное словесное ударение в современном русском языке остается главнейшим звуковым средством конструирования слова; оно формируется за счет удлинения и усиления напряженности ударного слога и сокращения и ослабления безударных; противопоставляет предупредную и заударную части слова по степени выраженности фонетических процессов и сохраняет смысловозначительную роль места ударного слога в слове [7].

В современной орфоэпии наблюдается значительная вариативность места словесного ударения в отдельных словоформах, что создает проблему в области культуры речи. Так, колебания места словесного ударения затрагивают следующие словоформы:

— существительные м.р. им.п. мн.ч. — перенесение ударения с основы на окончание и изменение в этом случае окончания -ы/и на -а (конструктор — *конструктора́, инженер — *инженера́, торт — *торта́, *ветер — ветра́, шторм — *шторма́, слесарь — *слесаря́, вентиль — *вентиля́ и т.п.) или на окончание -ы (кран — *краны́ и т.п.) с нечеткой границей между литературной нормой и просторечием, особенно в профессиональной лексике;

— аналогичный процесс в существительных ср.р. и ж.р., остающихся просторечными (средство — *средства́, блюдо — *блюда́, скорость — *скоростя́, четверть — *четвертя́, мать — *матеря́, дочь — *дочеря́);

— «выравнивание» литературного и просторечного произношения в глагольных и отглагольных словоформах с подвижным ударением: в неопределенной форме и прошедшем времени (*на́чать — на́чал, *на́чала, нача́ть — *нача́л), в причастиях и деепричастиях (нача́в, нача́вший, *откло́чен, *заклю́чен, * возбу́ждено дело), в формах с постфиксом -ся/сь (на́ча́лся/вариативность́/, на́чалось, на́чала́сь на́чали́сь) и др.;

— продолжающаяся тенденция утраты второстепенного словесного ударения морфологизованного типа (т[э\]ракт — т[ы]ракт, р[сбо\ть]сп[с]со[бн[ъ]сть] — р[ъбътьспс]со[бн[ъ]сть] и возможного появления второстепенного ударения ритмического типа ([р\ъбътьспс]со[бн[ъ]сть]);

— возможность появления двух-трех главных ударений в сложных словах без соединительного гласного под влиянием многочисленных заимствований из английского (американского) языка: ба́ндформирова́ние, гала́конце́рт и т.п.

Многочисленные отступления от литературной нормы встречаются в употреблении интонационных средств русского языка. В публичной речи (дикторов, радиожурналистов, лекторов и др.) наблюдается некоторая десемантизация ин-

тонационных единиц в позициях интонационной синонимии, замена нейтральных реализаций модальными, монотонизация речи за счет уменьшения межрегистровых интервалов и однообразия интонационных средств оформления речи, нарушение места интонационного центра и синтагматического членения, неоправданное системой чрезмерное употребление единицы ИК-2, создающее эффект резкости, агрессивности, недоброжелательности и пр.

Все это имеет прямое отношение к культуре устной речи и потому должно быть предметом специального обучения выразительности речи как в русскоязычной, так и в иностранной аудитории.

Объем орфоэпии как предмета преподавания различается в русской и иностранной аудиториях. В первом случае терпимо сохранение «старшей нормы» и допустимых орфоэпических вариантов во всех возрастных категориях говорящих при объяснении статуса этой вариативности. В иностранной аудитории следует предлагать только «младшую форму» как наиболее перспективную на ближайшие периоды развития русского языка. В русской аудитории актуальной становится работа над произношением отдельных грамматических категорий и конкретных слов, где наиболее частотно отклонение от произносительных норм. В иностранной аудитории обучение орфоэпии по существу сводится к обучению нормативному русскому произношению с соблюдением всех фонетических закономерностей современного русского языка.

В связи с этим с неизбежностью встает вопрос о выборе транскрипционной системы при разных формах обучения русскому произношению. В методике обычно используется так называемая «русская» транскрипция на базе кириллицы; в некоторых учебных центрах Санкт-Петербурга (прежде всего в университете СПбГУ, где разработан автоматический транскриптор русской речи в рамках Машинного фонда русского языка) принята транскрипция на базе латиницы по образцу МФА (международного фонетического алфавита), созданного Международной фонетической ассоциацией (см. образец в [4], а также шрифт IPA в Интернете). Наиболее упрощенная фонетическая транскрипция (однако адекватная общему фонетическому облику русского слова), максимально приближающаяся к фонематической (а следовательно, и к орфографии), уместна в нефилологической аудитории, изучающей русский язык в прикладных целях. В филологической аудитории целесообразно дифференцированно подходить к обучению транскрипции, с одной стороны, различая фонематическую и фонетическую с разной степенью детализации транскрипцию, с другой стороны, учитывая разные виды речевой деятельности, в частности, восприятие речи и говорение (чтение вслух, собственно произношение). В первом случае недетализированная, близкая к фонематической транскрипция (используемая, например, в фонетических диктантах как специальной форме обучения филологов) покажет степень сформированности пофонемного восприятия речи с возможной его правильной орфографической записью (например, при восприятии лекций, докладов). В последнем случае используется более детализированная транскрипция, отражающая процессы коартикуляции в фонетически недискретной речи и учитывающая возможную звуковую интерференцию с целью автоматизации безакцентного воспроизведения потока речи в его динамике и усвоения методики обучения практической фонетике РКИ [6].

Современное состояние орфоэпических норм, их неразрывную связь с фонетическими законами, грамматическим оформлением слова и правилами орфографии необходимо учитывать не только при обучении русскому произношению, но и на занятиях по практической грамматике, научной речи, а также в процессе преподавания теоретических дисциплин, прежде всего фонетики современного русского литературного языка, осуществляя провозглашенный академиком Л.В. Щербой принцип фонетизации обучения иностранным языкам, межпредметные связи и осмысливая понятие «современный» не только как часть названия предмета в учебном плане, но как суть преподавания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. — М.: Высшая школа, 1977.
- [2] Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1998.
- [3] Вербницкая Л.А. Русская орфоэпия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
- [4] Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Изд. 2-е. — М.: Высшая школа, 1979.
- [5] Логина И.М. Взаимодействие ритмической и звуковой структуры русского слова // Лингвистическая полифония: Сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой. — М.: Языки славянских культур, 2007.
- [6] Логина И.М. Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение). — М.: Изд-во РУДН, 1992.
- [7] Логина И.М. Ритмическая организация русского слова и современная орфоэпия // Вестник МГУ. — Серия 9. Филология. — 2005. — № 2.
- [8] Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. — М.: Наука, 1990.
- [9] Скалозуб Л.Г. Артикуляционная динамика речеобразования (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Киев, 1980.

LINGUISTIC AND DIDACTIC DESCRIPTION OF MODERN RUSSIAN ORTHOEPY

I.M. Loginova

Department of the Russian language and Methods of its teaching
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the current state of orthoepic norms of the Russian language in the sphere of sounds, stress and intonation for the purposes of teaching Russian as a foreign language.

Key words: orthoepy, Didactics, sound system, pronunciation rules, phonetic system, phonology.